

УДК 821.161.1

Ли Гэнь

<https://orcid.org/0000-0003-4994-0995>

**Интертекстуальная связь романа Б. Акунина «Vremena goda»
с повестью М. Пришвина «Жень-шень»**

Для цитирования: Ли Гэнь Интертекстуальная связь романа Б. Акунина «Vremena goda» с повестью М. Пришвина «Жень-шень» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 82-90. DOI 10.20323/2658-7866-2021-3-9-82-90

Статья посвящена изучению интертекстуальных связей романа Б. Акунина «Vremena goda» с повестью М. Пришвина «Жень-шень». В начале 1930-х годов М. Пришвин участвовал в экспедиции на Дальний Восток. Являясь профессиональным этнографом и высококвалифицированным агрономом, художник пристально вглядывался в геокультурное пространство Маньчжурии. Личное соприкосновение с Маньчжурской природой и культурой стало для М. Пришвина источником вдохновения. Из ботанических, и сезонно-климатических наблюдений над Маньчжурией, натуралистических заметок о жизни местных животных, описаний уклада жителей тайги получилось замечательная повесть «Жень-шень». Вслед за своим предшественником Б. Акунин в своем романе «Vremena goda» тоже обратился к Маньчжурской теме. В романе «Vremena goda» наблюдается схожая с «Жень-шень» история о поиске реликтового корня в Маньчжурских дебрях. Герои обоих произведений оказались на земле Маньчжурии с помощью доброго китайского старца через тернистый путь нашли сокровище леса – женьшень. Новизна статьи состоит в том, что роман «Vremena goda» пока не становился предметом подробного литературоведческого исследования, тем более его интертекстуальный характер. В статье впервые изучается диалог между двумя произведениями «Vremena goda» и «Жень-шень». С помощью метода сравнительно-сопоставительного анализа обнаруживаются сходства и заимствования Б. Акунина из претекста «Жень-шень», а также его постмодернистская модификация первичных образов. На основе творчества М. Пришвина Б. Акунин создал обновленный авторский сюжет о поиске женьшеня. Обнаруженные данные позволяют расширить исследование интертекстуальных аспектов произведений Б. Акунина.

Ключевые слова: интертекст, «Vremena goda», Б. Акунин, «Жень-шень», М. Пришвин, Маньчжурия, мудрый старец, реминисценция, аллюзия.

Li Gen

**Intertextual links between B. Akunin's novel Vremena Goda (Seasons)
and M. Prishvin's story Ginseng**

The article is devoted to studying intertextual links between the novel Vremena Goda (Seasons) by B. Akunin and M. Prishvin's story Ginseng. In the early 1930s,

M. Prishvin participated in an expedition to the Far East. As a professional ethnographer and a highly skilled agronomist, the writer looked closely into the geocultural space of Manchuria. Personal contact with Manchurian nature and culture became a source of inspiration for M. Prishvin. Botanical, and seasonal climatic observations of Manchuria, naturalist notes about local animals, descriptions of how the taiga inhabitants live, resulted in a remarkable story *Ginseng*. Following his predecessor, B. Akunin also turned to the Manchurian theme in his novel *Vremena Goda*. The novel *Vremena Goda* features a similar story to *Ginseng* about the search for a relic root in the Manchurian wilds. The heroes of both works ended up in the land of Manchuria thanks to a kind Chinese elder, and having gone through many hardships, found the treasure of the forest – ginseng. The novelty of the article lies in the fact that the novel *Vremena Goda* has not yet become the subject of a detailed literary study, much less so its intertextual character. This article is the first to examine the dialogue between the two works *Vremena Goda* and *Ginseng*. The method of comparative analysis reveals similarities and B. Akunin's borrowings from the pretext of *Ginseng*, as well as his postmodern modification of original images. Based on M. Prishvin's work, B. Akunin created his own new plot about the search for ginseng. The found data help to expand the study of intertextual aspects of B. Akunin's works.

Key words: intertext, *Vremena Goda*, B. Akunin, *Ginseng*, M. Prishvin, Manchuria, wise elder, reminiscence, allusion.

Современная литература насыщена реминисценциями, цитацией, аллюзией из литературы прошлой. Понятие интертекст не чуждо любому из современных авторов, в том числе Б. Акунину. В многих его произведениях мы наблюдаем интертекстуальные связи с предшествующими классическими текстами. Например, «его пьеса «Чайка» – это продолжение чеховской «Чайки», но в детективном ключе, когда раскрывается убийство Треплева. В его романе «Азавель» можно отметить отсылку к повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» и повести А. С. Пушкина «Египетские ночи». В его романе «Пелагия и белый бульдог» мы можем найти сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ» Н. В. Гоголя» [Вы-

сочина, 2016, с. 163]. А в его романе «*Vremena goda*» обнаруживается диалог с повестью М. Пришвина «Жень-шень».

Писательский опыт М. Пришвина складывался из «тележно-этнографического» пути в литературу [Трубицина, 2019, с. 90]. Истоки своего творческого таланта писатель находит в своих бесконечных путешествиях. В начале 1930-х годов сам писатель побывал в Маньчжурии в экспедиции, он внимательно исследовал местную флору и фауну, интересовался местной культурой. Получив вдохновение и новые впечатления от поездки в Маньчжурии, Пришвин создал замечательную повесть «Жень-шень» («Корень жизни») (1933). Действие повести «Жень-шеня» происходит

на фоне грохота русско-японской войны, в 1904–1905 годах и в Маньчжурии. Лирический герой – русский дезертир, не выдержавший жестокости Русско-Японской войны, который бежал и скрылся в лесу Маньчжурии. Его приютил добрый китаец Лувен. Лувен – искатель корня женьшеня, врач китайской традиционной медицины, и охотник на панты. Герой остался у Лувена, они жили и дружили, вместе искали женьшень, создавали заповедник для оленей. Прошло много лет, и герой часто вспоминает этот непростой период жизни в Маньчжурских горах, что дает ему силу и духовную поддержку в жизни.

Роман «Vremena goda», вышедший в 2011 году, написан Б. Акуниным под литературной маской «Анны Борисовой» [Кондаков, 2020, с. 137]. Как авантюрно-приключенческий роман, он обладает разветвленным сюжетно-персонажной структурой. Роман развивается в двух главных параллельных, но пересекающихся планах: жизнь молодой врача-гериатра Вероники Коробейщиковой, и воспоминание о своем прошлом столетней Мадам Александрины Казначеевой, лежащей в «псевдокоме». В части воспоминаний Мадам наблюдается схожий сюжет с повестью М. Пришвина «Жень-шень»: в начале 30-х годов прошлого века, Александрина, в романе она еще называется Сандра, с семьей эмигрировала в сердце Маньчжурии – Харбин. Чтобы спасти своего лю-

бимого из рук бандитов-хунхузов и оплатить выкуп, Сандра вместе с мудрым китайским старцем Ван Ин отправились в дебри Маньчжурского леса для поиска золота и «ян-шень».

У обоих произведений обнаруживается ряд схожих моментов: одинаковое геокультурное пространство, где происходят события – Маньчжурия, наличие образа мудрого китайского старца, сюжет поиска реликтового женьшеня.

Маньчжурия (кит. 满洲) – историческое название громадной территории северо-восточной части современного Китая, в состав которой входят провинции Хэйлунцзян (кит. 黑龙江), Цзилинь (кит. 吉林), Ляонин (кит. 辽宁) и восточная часть Внутренней Монголии (кит. 内蒙古). Название региона впервые фиксируется в документальных хрониках начала XVII в. произошло от названия господствующего в местности «племени маньчжуров», в Китае эта область еще носит имя «Шэн-цзин» или «Дун-сань-шэн» [Маньчжурия ... , 1896, с. 574]. Для многих русских людей Маньчжурия – самая близкая точка прикосновения к загадочной китайской культуре. В первой половине XX века экспедиция на Дальний Восток, строительство КВЖД, русско-японская война, белая эмиграция – все эти события привело к тому, что многие русские получили возможность ступить на эту землю и даже эмигрировать туда. Маньчжурия не-

редко становилась предметом художественной репрезентации в творчестве русских писателей.

В повести «Жень-шень» Маньчжурия рисуется как земля обетованная, которая далека от внешнего мира, и необходима для душевного уединения героя. «И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай. Нигде у себя на родине я не видал такого простора, как было в Маньчжурии: лесистые горы, долины с такой травой, что всадник в ней совершенно скрывается, красные большие цветы – как костры, бабочки – как птицы, реки в цветах. Возможно ли найти еще такой случай пожить в девственной природе по своей вольной волюшке!» [Пришвин, 1983, с. 7]. В романе представлен объемный, пестрый растительный и животный мир Маньчжурии, где обитают разные животные: ходовая коза, кабан, изюбр, пятнистое олень, кабарга, горал, фазан, полосатый грызун бурундук, барс, нерп, баклан, филин, орел, и растут разные деревья и растения местного происхождения: кедр, тополь, граб, ильм, пиния, береза, ель, пихта, мелколиственный клен; заросль крушинника, бузины, черемухи, дикой яблони; лианы лимонника и виноград; сирень, женьшень. В повести представлено разнообразие жителей Маньчжурской тайги, в разных концах леса живут охотники, звероловы, искатели корня женьшеня, хунхузы, манзы, разные туземцы, тазы, гольды, орочи, «гиляки с

женщинами и детьми, покрытыми стружьями» [Пришвин, 1983, с. 24]. Эти фауна и флора, разнообразие жителей, служащие геомаркерами, вместе образуют уникальное геокультурное пространство Маньчжурии.

В романе «Vremena goda» первобытная природа тоже заставляет героиню восхищаться. Природа Маньчжурии ей представляется как «незнакомая планета». Дикая природа разбила ее убеждения, что «Земля – большой-пребольшой город, густонаселенный людьми, а по краям этого мира есть, кажется, какие-то степи, моря и леса, но большого значения они не имеют» [Акунин, 2011, с. 131]. Героиня чувствует ничтожество человека перед бескрайними просторами Маньчжурии, «Земля – это огромный лес, и люди тут совершенно не важны и не нужны» [Акунин, 2011, с. 131]. В романе также запечатлен ландшафт и силуэты животных Маньчжурии: «Поляны какой-то непристойно сочной красоты, луга с преобладанием красных и оранжевых цветов», «пара коршунов над верхушками в синем окошке, окаймленном светлой зеленью лиственниц. Стая белых цапель на берегу черного таежного озера, не помеченного на карте.» [Акунин, 2011, с. 131]. В романе автор также уделил внимание жителям Маньчжурского леса, но сосредоточил свое внимание только на одной группе людей геокультурного назначения – хунхузов. Хунхуз –

известная в истории Китая организованная банда разбойников, действовавшая в основном на территории Маньчжурии. Их отряды и банды обычно базировались в труднодоступной маньчжурской тайге. Хунхузничество просуществовало более века, оно возникло во второй половине XIX века в Династии Цин из-за осложняющей и ухудшающей экономической и политической ситуации Северо-востока Китая, и было уничтожено накануне образования КНР. Хунхуз (кит. 红胡子), хун (кит. 红) – красный, хуцзы или хуз (кит. 胡子) – борода, соединив эти два слова, получается «красная борода» или «краснобородый» [Ершов, 2010, с. 8]. Самое популярное объяснение происхождения этого причудливого прозвища в том, что некогда во время злодеяния эти китайские разбойники прицепляли к подбородку фальшивые бороды, выкрашенные в красный цвет, чтобы замаскировать внешность и напугать жертву. А «прообразом этого бандитского “аксессуара” были фальшивые бороды, использовавшиеся в представлениях традиционного китайского театра.» [Ершов, 2010, с. 8]. В романе для развития сюжета акцентируется внимание на описании чувства страха людей к хунхузам и жестокость хунхузов. «У нас в Маньчжурии детей пугали не Бабой-Ягой или серым волчком. “Придет хунхуз, утащит тебя за Сунгари”, – говорили шалунам.

Наверное, так же в Древней Руси стращали малышей злым татаринном или половцем» [Акунин, 2011, с. 90]. Если деньги выкупа не вносились вовремя, хунхуз «присылает семье палец. Через две недели ухо. Еще неделю спустя подбрасывает к дверям отрезанную голову. И никогда не торгуется» [Акунин, 2011, с. 91].

В обоих произведениях есть образ китайского старца, который станет не только проводником в пути к поиску женьшеня, но и учителем жизни для главного героя. Оба автора уделяли внимание описанию портрета и биографии китайского старца.

В повести «Жень-шень» Лувен представляется как «древний» мудрец «...лицо его было сплошь покрыто мелкими морщинами, цвет кожи был землистый, глаза, едва заметные, прятались в этой сморщенной коже, похожей на кору старого дерева. Но когда он улыбнулся, то вдруг загорелись черным огнем прекрасные человеческие глаза, кожа разгладилась, оцветились губы, сверкнули еще белые зубы, и все лицо во внутреннем смысле своем стало юношески свежим и детски доверчивым» [Пришвин, 1983, с. 8]. В образе Лувена сочетаются мудрость восточного старца и детское наивное простодушие.

В романе «Vremena goda» тоже детально представлен портрет китайского старца Ван Ина, Он «очень худой, но не изможденный, а будто подсушенный солнцем и

ветром <...> Веки полуприкрыты, из-под седых ресниц иногда мерцают огоньки, но не такие, как у зрячих людей, а словно бы приглашенные» [Акунин, 2011, с. 105]. «отрешенное морщинистое лицо с полуприкрытыми глазами и мягкую улыбку» [Акунин, 2011, с. 109]. Но поскольку весь роман построен в постмодернистском ключе, образ мудреца в романе претерпел модификацию: портрет Ван Ина не соответствует типичному представлению о восточном мудреце с типичной «козлиной бородкой и длинной курительной трубкой, в халате и шапочке, предающегося медитации в уединенном храме». Автор специально внес изменения в этот образ: «вместо просветленного даоса карикатурный толстовец». Но, как и все восточные мудрецы, Ван Ин скромный, спокойный и жизнерадостный: «Он был в холщовой толстовке, перетянутой ремешком, и неподвижно сидел на стуле, подставляя безмятежное, чуть улыбающееся лицо солнечным лучам» [Акунин, 2011, с. 105].

Оба старцы много пережили в жизни. Лувен ушел молодым из семьи в гору Маньчжурии, сначала он занимается звероловством, но после потери семьи в «каком-то страшном море» [Пришвин, 1983, с. 41] он бросил свое жестокое дело и стал врачом китайской медицины, помогающий многим туземцам тайги. Ван Ин был участником восстания тайпинов (1851–1864 гг.), из-за того, что он отпустил на свободу невин-

ных пленников, начальник велел выколоть ему глаза. Потеряв зрение, Ван Ин много лет прожил отшельником в горной глуши, потом отправился с артелью старателей на реку Мохэ за золотом, и бесконечное скитание. Нелегкая судьба и богатый жизненный опыт сделали старцев мудреными и безмятежными.

Лувен – человек универсал, мастер на все руки, он много умеет делать: врачевание, охота, поиски женьшеня. А Старик Ван Ин еще наделен магическим даром: чувствовать «масть» предметов. Он чувствует золото, яншень даже на расстоянии. Он без труда определяет, где находятся россыпи самородков золота, «хоть золото и неживое, но масть у него очень сильная, такая сильная, что ее обослышишь издали» [Акунин, 2011, с. 114]. Он умеет уловить «масть» яншеня, он легко найдет «таежную драгоценность, в поисках которой бывалые старатели рыщут по лесам неделями» [Акунин, 2011, с. 138].

В обоих произведениях присутствует сюжет о поиске женьшеня. Женьшень – широко известное общетонизирующее лекарственное растение, основной ареал произрастания которого находится именно под землей Маньчжурии. Китайская пословица гласит, что «в Маньчжурии есть три сокровища – женьшень, панды и соболиный мех». Будучи одним из «сокровищ» Маньчжурского леса, женьшень является ярким геомаркером Маньчжурии, имеющим репрезентатив-

ное значение местности. Женьшень (人參 кит.) первый иероглиф 人 [Жень], обозначает человек, второй иероглиф 參 [шень], обозначает собирательный название целебных растений-корней. Здесь объясняется его этимология: женьшень – это лечебный человекоподобный корень. В обеих произведениях обращается внимание на человекоподобную внешность этого драгоценного растения, Пришвин как замечательный агроном, дает фотографически выразительное описание внешности корня «... небольшой корешок желтого цвета, напоминающий просто нашу петрушку <...> в этом корне человеческие формы: отчетливо было видно, как на теле расходились ноги, и тоже руки были, шейка, на ней голова, и даже коса была на голове, и мочки на руках и ногах были похожи на длинные пальцы» [Пришвин, 1983, с. 26]. В романе «Vremena goda» тоже описывается человекоподобная внешность корня: «...грязный корешок, напоминающий формой человеческую фигурку» [Акунин, 2011, с. 138].

Поскольку повесть «Жень-шень» построена на реалистической основе, герой с китайцем Лувеном ищут настоящий корень женьшеня. А в романе «Vremena goda» героиня с китайцем Ван Ином ищут мифический женьшень – яншень. Вдохновившись китайской концепцией «инь» и «ян», Б. Акунин мифопоэтизирует образ реликтового корня Маньчжурского леса – женьшень,

представив его в своем повествовании в двух разновидностях: «яншень» и «иншень». В романе «Vremena Goda» подробно описывается различие между яншнем и иншнем. Яншень – загадочное растение, о существовании которого большинство людей даже не знает, опытные «таежные собиратели даже не ищут, ибо и не слышали о его существовании, да если б и слышали, не нашли бы» [Акунин, 2011, с. 137]. Яншень – редчайшее на земле растение, «На всю область произрастания дикого женьшеня – а на Земле их всего несколько – приходится только один яншень, оплодотворяющий своей аурой женскую популяцию. Таким образом, на территории обитания дальневосточного женьшеня есть лишь один мужской корень...» а иншень, хоть и редко, но «встречается в десять тысяч раз чаще», чем яншень [Акунин, 2011, с. 137].

Философский подтекст растения женьшень в двух произведениях тоже раскрывается по-разному. В повести Пришвина женьшень – это жизненная сила и творческая сила для героя. А в романе Б. Акунина, акцент делается на снадобье «Хрустальная Радуга», растворе мужского и женского женьшеня. В повествовании подробно описывается процесс приготовления этого снадобья: Ван Ин «налил в бутылку изпод спирта немного родниковой воды, положил чисто вымытый иншень, потом с благоговением вынул из ладанки засохший корешок ян-

шень, поцеловал его и опустил туда же» [Акунин, 2011, с. 138]. После того, как яншень оплодотворил свою женскую половину «вода в ней приобрела серебристо-перламутровый оттенок. Иншень странно сжался, зато яншень разбух, стал вдвое длинней и толще, морщинки и складки на нем разгладились» [Акунин, 2011, с. 138]. И в дальнейшем развитии сюжета рецепт яншенево-иншеневой эссенции помог Сандре сделать прорыв в науке в борьбе со старческой болезнью. А секрет этого препарата-панацеи лежит в гармоническом совмещении в нем энергии «инь» и «ян». Таким образом в романе яншенево-иншеневое снадобье приобретает символическое значение – любовь. В романе лейтмотив любви играет самую важную роль. Не только в части повествования Мадам Александрины, где разворачивается сюжет о ее необычной истории любви с Давидом, но в части Вероники Коробейшиковой, где тоже раскрываются ее любовные переживания со Станиславом Берзиным. Лейтмотив любви тесно переплетается с лейтмотивом болезни. Именно любовь помогает человеку преодолеть старение: «Жизнь – это соединение мужского начала с женским. <...> Все, что находится вне пределов слияния Инь и Ян, не вдохновлено этим мощным ароматом, лишено смысла и пахнет трупом. Всякое дело, которое мужчины затевают без женщин (война, грабеж, тюрьма, сухая

наука), так или иначе ведет на территорию Смерти» [Акунин, 2011, с. 216].

Итак, Б. Акунин, идущий по стопам М. Пришвина развивает в своем творчестве историю поиска женьшеня. В произведениях «*Vremena goda*» мы обнаружили ряд интертекстуальных заимствований из повести «Жень-шень». В части романа «*Vremena goda*», как в «Жень-шене», сюжет разворачивается в Маньчжурii, Б. Акунин тоже описывает девственную природу Маньчжурii, жителей маньчжурского леса, сокровище маньчжурского леса – женьшень. В романе «*Vremena goda*» также присутствует схожий помощник китайский старец в пути поиска реликтового корня.

Несмотря на сходство в сюжетную-персонажную структуру, у произведений есть существенные различия. Повесть «Жень-шень» построена на более реалистичном основе, профессиональный агроном и путешественник М. Пришвин сам побывал в Маньчжурii, подробно изучил местную фауну и флору, его описание пространства Маньчжурii детально и подробно. А роман «*Vremena goda*» написан в постмодернистском ключе, описание Маньчжурii дается не на основе первичного наблюдения, а через вторичную переработку материалов о Маньчжурii, поэтому описание более раздробленно и мозаично. В романе «*Vremena goda*» некоторые образы подвергаются постмодернистской модификации, китайский

старец становится стариком с магической силой, реликтовый корень в соответствии с концепцией «иньян» подразделяется на иншень и яншень. Мы видим, как классическая литература становится для

Б. Акунина источником вдохновения он развивает ее историю, но переделывает для своего постмодернистского пространства, порождая таким образом новый сюжет о поиске женьшеня.

Библиографический список

1. Акунин Б. [Борисова А.]. *Vremena goda*. Москва : Abecca Global Inc, 2011. 480 с.
2. Высочина Ю. Л. Интертекст как языковая игра постмодернизма (на примере произведений Т. Толстой, Б. Акунина, В. Пелевина) // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016. № 2. С. 161-165.
3. Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. Москва : Центрполиграф, 2010. 253 с.
4. Кондаков Б. В. Восточная эмиграция в русской литературе // *Филология в XXI веке*. 2020. № 1 (5). С. 132-143.
5. Маньчжурия // *Энциклопедический словарь Санкт-Петербург : Семеновская Типо-Литография И.А. Ефрона, 1890-1907; Т. 18а: Малолетство – Мейшагола, 1896*. 958 с.
6. Пришвин М. М. Жень-Шень // *Собр. соч.: в 8 т. Москва : Художественная литература, 1983. Т. 4. С. 5-78*.
7. Трубицина Н. А. Геопозитика Крыма в творчестве Михаила Пришвина // *Культура и текст*. 2019. № 3 (38). С. 87-97.

Reference list

1. Akunin B. [Borisova A.] *Vremena goda = Seasons*. Moskva : Abecca Global Inc, 2011. 480 s.
2. Vysochina Ju. L. Intertekst kak jazykovaja igra postmodernizma (na primere proizvedenij T. Tolstoj, B. Akunina, V. Pelevina) = Intertext as the language game of postmodernism (based on Tolstaya, Akunin, and Pelevin's works) // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2016. № 2. S. 161-165.
3. Ershov D. V. Hunhuzy: neobjavlennaja vojna. Jethnicheskij banditizm na Dal'nem Vostoke = The Honghuzi: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. Moskva : Centrpoligraf, 2010. 253 s.
4. Kondakov B. V. Vostochnaja jemigracija v russkoj literature = Eastern emigration in Russian literature // *Filologija v XXI veke*. 2020. № 1 (5). S. 132-143.
5. Man'chzhurija = Manchuria // *Jenciklopedicheskij slovar' Sankt-Peterburg : Semenovskaja Tipo-Litografija I. A. Efrona, 1890-1907; T. 18a: Maloletstvo – Mejshagola, 1896*. 958 s.
6. Prishvin M. M. Zhen'-Shen' = Ginseng // *Sobr. soch.: v 8 t. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1983. T. 4. S. 5-78*.
7. Trubicina N. A. Geopojetika Kryma v tvorcestve Mihaila Prishvina = Crimean geopoetics in Mikhail Prishvin's works // *Kul'tura i tekst*. 2019. № 3 (38). S. 87-97.